

Женщина Маяковского

Она покончила с собой в 86 лет. От неразделенного чувства

Так, во всяком случае, утверждает Юрий Карабчиевский, автор дерзкой, но при том строго документальной книги о Маяковском. Когда в 1989 году она увидела свет, кое-кто из близко знавших эту женщину принялся возражать, что все, мол, не совсем так, причина самоубийства не сводится к драме любви, но ни сама любовь — ее поздняя любовь, ее последнее увлечение, о котором мы здесь не будем говорить, — ни факт самоубийства не оспаривались...

Имя этой женщины неотделимо, разумеется, от имени Маяковского, однако Лиля Юрьевна Брик существует в истории отечественного искусства и сама по себе. Художница. Литературный деятель. Сценарист. Режиссер...

Ее отношения с Маяковским начались с посвящения ей поэмы, на которую его вдохновила другая, а закончились тем, что она назвала ее имя в посмертной записке, хотя стрелялся опять-таки из-за другой. Из-за Вероники Витольдовны Полонской...

Полонская оставила подробные и предельно откровенные воспоминания, в которых рассказала все, вплоть до рокового выстрела, громыхнувшего через несколько секунд после того, как за ней закрылась дверь его комнаты на Лубянке. Женщина ушла вопреки мольбам не покидать его...

Муж? Репетиция в театре? Ерунда! — с мужем «он объяснится сам, а меня больше к нему не пустит».

То же — с репетицией. «Вот он сейчас запрет меня в этой комнате, а сам отправится в театр, потом купит все, что мне нужно для жизни здесь».

Что ответила на этот ультиматум 22-летняя актриса? «Я ответила, что люблю его, буду с ним, но не могу остаться здесь сейчас... Я по-человечески достаточно люблю и уважаю мужа и не могу поступить с ним так». Однако пообещала, что вечером непременно вернется. И не просто вернется, а переедет насовсем.

Это ультиматиста не устраивало. «Он продолжал настаивать на том, чтобы все было немедленно, или совсем ничего не надо».

Или — или... Он всегда жил в альтернативном измерении, а она, сла-

бая женщина, не умела так. И потому твердила свое: ей надо — надо непременно! — поговорить с мужем.

На том и расстались. Он поцеловал ее, попросил не беспокоиться и сунул двадцать рублей на такси — в денежных делах Маяковский был необычайно щепетилен.

Возлюбленная вышла, однако не успела дойти до парадного, как раздался выстрел. «У меня подкосились ноги, я закричала и металась по коридору: не могла заставить себя войти».

Все-таки заставила, причем довольно быстро: еще даже не рассеялся дым от выстрела.

«Владимир Владимирович лежал на ковре, раскинув руки. На груди было крошечное кровавое пятнышко».

Никакого письма она в ту минуту не заметила, не до того было, да, собственно, и не ей было адресовано это страшное письмо.

Не ей? Кому же в таком случае? Лиле Брик? Нет, и не Брик. Никому конкретно — всем сразу.

Оно так и начинается — ВСЕМ! — слово это выведено крупными буквами.

На следующий день письмо опубликовала главная газета страны «Правда». Маяковский извещал сограждан, что никого не винит, просил не сплетничать, а также советовал другим не выходить из жизненных передряг подобным образом. Все это — в первых двух абзацах.

Третий абзац содержал всего три слова: «Лилия — любви меня».

Для Полонской это не явилось неожиданностью. «Маяковский, — пишет она в своих мемуарах, — замечательно относился к Лиле Юрьевне. В каком-то смысле она была и будет для него первой».

Посмертная записка подтверждает это. Лилия Брик действительно была и осталась для него первой, причем «первой» не в арифметическом значении слова — были женщины и до нее, были и после, — а как главная, единственная, все же остальные проходили словно бы на фоне ее и — что особенно интересно — при заботливом ее участии. Так, например, когда Полонская однажды с беспокойством осведомилась у возлюбленного, что-де скажет Лилия Юрьевна, если узнает об

их связи, то услышала в ответ, что Лилия Юрьевна скажет примерно следующее: «Живешь с Норочкой... Ну что ж, одобряю».

Он произнес это, подметила «Норочка», с грустью. Не с гордостью за свою неровную подругу, а — с грустью...

Ревность вообще считалась у супругов Брик атрибутом мещанства, но то у супругов Брик — «футурист» Маяковский в этом отношении был, как ни удивительно, старомоден.

«Володя такой скучный, — жаловалась Лилия Юрьевна. — Он даже устраивает сцены ревности».

На этот счет сохранилось и его собственное свидетельство, причем свидетельство силы необычайной: перечитайте «Флейту-позвоночник! Поэт, воспеваящий «имя Лилино», открыто признается, обращаясь к несравненной Лиле: он «в ужасе, что тебя любить увели»; он мечется по ночному городу, он, воздев глаза к небу, молит Бога, этого «всевышнего инквизитора»:

убери проклятую ту, которую сделал моей любимой! Всевышний не убирает. «Проклятая» остается с ним до конца, до последней минуты — «Лилия — любви меня», — а затем, когда началось забвение, вытаскивает его, по сути дела, из небытия.

Строго говоря, забвение началось еще при жизни. Провалилась — буквально за месяц до самоубийства — пьеса «Баня», на выставку «20 лет работы» в клубе писателей из писателей-то никто не соизволил явиться — словом, разбилась не только «любовная лодка» («...любовная лодка разбита о быт», — писал он в прощальном стихотворении), но и стал рассыпаться, рассыпаться, течь поэтический корабль, такой прочный на вид.

После смерти процесс этот пошел еще быстрее и сделался почти необратимым. Книги не переиздавались. Собрание сочинений выходило через пень-колоду и мизерным тиражом. Никаких вечеров памяти, никаких — или почти никаких — публичных исполнений его стихов. Минуту пять лет после выстрела на Лубянке — всего пять лет! — а молодые люди уже удивленно переспрашивали, слыша фамилию, которая была когда-то у всех на устах: «Ма-

яковский? Кто такой Маяковский?»

И тогда эта женщина сделала невозможное: написала письмо Сталину... Собственно, невозможное заключалось не в самом факте написания — Сталину писали миллионы, — а в том, что письмо попало непосредственно адресату.

Как удалось это Лиле Юрьевне? А через своего очередного — но не последнего! — мужа В. Примакова. (Надо сказать, что все ее мужья: и Осип Брик, и Примаков, и Катанян не жалели сил для пропаганды Маяковского. Лилия Юрьевна проявила в этом отношении недюжинные организаторские способности).

Итак, письмо, написанное без расшаркиваний и заклинаний — просто, строго и вместе с тем темпераментно, — легло на стол вождя, и вождя проняло. Тут же была наложена высочайшая резолюция, которую в последующие полвека зубрили наизусть целые поколения школьников: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи».

Так в одночасье всеильная рука диктатора, умело направленная маленькой женской ручкой, круто изменила судьбу поэта. По сути дела, вылепила ее заново...

Ну ладно, заставить плясать под свою дудку академических людей (Брик, Катанян) — ладно, помыкать военачальником (Примаков) — ладно, подчинить своей воле поэта-бунтаря («Если Лилечка, — говорил он, — скажет, что нужно ночью, на цыпочках, босиком по снегу идти через весь город в Большой театр, значит, так и надо») — все это ладно, но кто из смертных мог управлять Сталиным?

И это еще не все. Женщина, для которой несентиментальный Маяковский изобретал в каждом письме новое уменьшительное имя (Лилек, Лиленок, Лилистик, Линочек, Лисятки), умудрилась совершить нечто совсем уж невероятное: заставила говорить о себе уважительно, а то и с восхищением — или, лучше того, с благоговением — своих соперниц. Ту же, к примеру, Полонскую. И не только ее...

«Маяковский безвозвратно любил Лилю», — свидетельствует одна французская писательница, и ей можно верить, как можно верить точ-

ности употребляемых ею русских слов — в данном случае, емкого слова «безвозвратно». Ибо упомянутая писательница — не кто иная, как Эльза Триоле, родная сестра Лили Юрьевны.

Эльза Триоле всю эту историю знала досконально — сперва-то Маяковский ухаживал за ней. И ей же впоследствии клялся: «Я никогда Лилечке не изменял. Так и запомни, никогда!»

Эльза запомнила. Запомнила и довела до сведения потомков, при совокупив: «Ни одна женщина не могла надеяться на то, что он разойдется с Лилей. Между тем когда ему случалось влюбиться, а женщина из чувства самосохранения не хотела калечить своей судьбы, зная, что Маяковский разрушит ее маленькую жизнь, а на большую не возымет с собой, то он приходил в отчаяние и бешенство. Когда же такое апогейное, беспредельное, редкое чувство ему встречалось, он от него бежал».

С Полонской, вероятно, было то и другое сразу. С одной стороны — отчаяние и бешенство, с другой — бегство. Бегство в никуда, без возврата — потому что возвращаться, в сущности, было некуда. Вернее, не к кому. Та «единственная женщина, — пишет Эльза Триоле, — которая пожизненно владела Маяковским, была Лилия», но при этом умалчивает, что Маяковский последние пять лет жизни Лилей не владел: новое увлечение охватило ее любвеобильное сердце. Вот и бросался от одной к другой — «Дон Жуан, распятый любовью».

Это опять-таки образ Триоле, но, по-видимому, навеян он отчасти его собственными словами. В финале «Флейты-позвоночника», поэмы, где впервые выкрикнуто на всю страну «имя Лилино», возникает как раз образ распятого.

Видите — гвоздями слов прибит к бумаге я. Никому никогда не приходило в голову иллюстрировать эти строки, но минуло полтора десятилетия, и их проиллюстрировала сама жизнь.

Одна мемуаристка рассказывает, что накануне похорон поэта ей показали фотографию, на которой он был запечатлен сразу после самоубийства и которой она с тех пор не видела. «Это была фотография Маяковского, распростертого, как распятого, на полу, с раскинутыми руками и ногами и широко раскрытым в отчаянном крике ртом».

Фотографии сами по себе безмолвны, но этот крик мы услышать можем: Маяковский описал его задолго до выстрела, в те дни, когда впервые увидел — и узнал! — свою женщину.

Последним будет твое имя запекшееся на выдранный ядром губе.

Вместо ядра оказалась пуля — остальное совпало в точности...

Руслан КИРЕЕВ.